

дившись в существовании этой отрицаемой им на земле будущей жизни, продолжал бунт против Бога и отказался идти квадриллион километров. В произведениях Достоевского предлагается несколько вариантов вечной жизни – подчас независимо от веры в бессмертие души. Очень упрощенно можно говорить о вечности просто как о бесконечности (временной или бесконечности смыслового вакуума), являющейся уделом замкнутого в себе сознания, сформированного идеями западной философии, и о вечности как приобщении к живой жизни и любви, идеалу Христа, во многом достигаемому благодаря сближению со своим народом.

В мире Достоевского есть много героев, отвергающих веру в Бога, христианскую или какую бы то ни было метафизическую вечность и бессмертие. Однако слово “вечность” все же присутствует в их интеллектуальном кругозоре, но не как единое бесконечное время, а как некое ценностное понятие, входящее в жизнь одного смертного человека. Это человеческий век, время жизни и существования человеческого сознания. Это вечность, доступная пониманию тех героев, которые “не верят в бессмертие и другую жизнь, стало быть, и не могут верить в чудеса, потому что для них всё на земле совершено” [Т. 15. С. 201]. Конечно, нельзя забывать, что такая вечность отчасти обязана своим существованием и общей тенденции к смещению временных промежутков в произведениях Достоевского.

Так, в “Записках из подполья” говорится о “*вековой злости*”, в которую погружается “наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь” [Т. 5. С. 104] “во всей этой лихорадке колебаний, принятых *навек* решений и через минуту опять наступающих раскаяний” [Т. 5. С. 105]. Это вечность, на которую обречено сознание, погребенное “заживо с горя, в подполье *на сорок лет*, в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения” [Т. 5. С. 105]. Интересно, что в художественной системе Достоевского “сорок лет” становятся устойчивым обозначением, сроком вечности замкнутого сознания. “Мышь” в “Записках из подполья” “*сорок лет сряду* будет припоминать до последних, самых постыдных подробностей свою обиду” [Т. 5. С. 104]. В “Бесах” Ставрогин сначала зовет Лебядкину жить с ним в кантоне Ури “*всю жизнь*” (герой как будто настаивает на этой формулировке и повторяет ее несколько раз в своем монологе) – потом уже в письме к Даше он зовет ее туда “*жить вечно*” [Т. 10. С. 513], то есть понятия всей его жизни (жизни одинокого сознания – об этом дальше) и вечности у героя уравниваются. Хромоножка на предложение мужа о “вечном поселении” отвечает: “Этак я, пожалуй, *сорок лет* проживу в тех горах <...> *Сорок лет сряду* с ним на горе сиди – ишь подъехал” [Т. 10. С. 218).

Важно, что та вечность, о которой идет здесь речь – это “вечность” повторения, пустоты и бездеятельности. В то же время, если взять Эти-